

А.С. ТАРАН*

**РЕШЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОБ ОТВОДЕ
ЗАЩИТНИКА (АДВОКАТА – ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ПОТЕРПЕВШЕГО): ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ,
ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ФОРМЕ
(НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ П.А. ЛУПИНСКОЙ)**

Ключевые слова: уголовный процесс, отвод защитника, правовое регулирование, процедура отвода адвоката, постановление об отводе

УПК РФ наделяет следователя полномочием на отвод адвоката¹ в случае установления обстоятельств, предусмотренных ст. 72 УПК РФ. Отвод адвоката следователем является процессуальным решением – т.е. «правовым актом, выраженным в установленной законом процессуальной форме, в котором государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникающие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона и содержащие власт-

© Таран А.С., 2012

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета. [Taran_as@ Rambler.ru]

¹ Здесь и далее, если не будет специально оговорено, под адвокатом мы будем подразумевать защитника и адвоката (представителя потерпевшего).

ное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства»².

Следует отметить, что УПК РФ не регулирует специально процессуальный порядок принятия этого решения, отсылая к регламентации отвода переводчика (ч. 2 ст. 72 УПК РФ, ч. 1 ст. 69 УПК РФ). Никаких особых требований к содержанию и форме данного решения в УПК РФ нет. Не было его и среди образцов процессуальных документов, включенных в качестве приложения в УПК РФ.

Всё это приводит к актуальности исследования правовой сущности данного процессуального решения, выявления его специфических черт и обозначения предъявляемых к нему требований.

На наш взгляд, прежде всего важно определить место отвода адвоката следователем в системе процессуальных решений. За основу данного анализа мы возьмем классификацию процессуальных решений П.А. Лупинской.

В классификации по содержанию и направленности³ оно попадает в категорию решений, определяющих процессуальный статус личности и обеспечивающих ее права.

При делении процессуальных решений на основные и вспомогательные⁴ решение следователя об отводе адвоката безусловно относится ко вторым, т.е. «способствующим законному и обоснованному решению основных вопросов».

С позиции функционального значения⁵ его следует причислить к промежуточным процессуальным решениям.

В классификации «с точки зрения выполняемых задач» решение об отводе адвоката, с нашей точки зрения, не подпадает в чистом виде ни под одну выделенную П.А. Лупинской классификационную группу. На наш взгляд, оно ближе всего к группе решений, устанавливающих процессуальный статус участников процесса, в том смысле, что установление статуса может быть не только в позитивном (как в приведенных П.А. Лупинской примерах), но и в негативном смысле – как этот статус прекращающее.

Также П.А. Лупинская различает процессуальные решения, выраженные в абсолютно определенных и относительно определенных нормах. Первые – те, в которых «правило поведения правоприменителя при наличии указанных в законе обстоятельств определено законодателем»⁶, вторые же «дают возможность учесть конкретные обстоятельства данного случая и

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 21–22.

³ См.: Там же. С. 15.

⁴ См.: Там же. С. 36.

⁵ См.: Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 74.

выбрать применительно к ним один из перечисленных в законе или вытекающих из них вариантов решения»⁷.

Очевидно, что решение следователя об отводе относится к решениям первой группы. Закон не предусматривает альтернативу в случаях установления обстоятельств, служащих основанием отвода адвоката, видимо, исходя из того, что участие адвоката в деле не должно быть поставлено в зависимость от усмотрения субъекта, ведущего уголовное судопроизводство.

Что касается формы решения следователя об отводе, то, как и другие его решения, вынесенные при производстве предварительного расследования, оно оформляется в виде постановления (п. 25 ч. 1 ст. 7 УПК РФ).

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление следователя должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 сентября 1973 г. «О судебном решении»⁸ решение является законным в случае, если оно принято при точном соблюдении норм процессуального права в точном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению.

П.А. Лупинская выделяет следующие признаки законности процессуального решения в целом: «Решение должно быть вынесено компетентным органом или лицом своевременно; вынесению решения должны предшествовать проведенные в соответствии с законом процессуальные действия, с помощью которых установлены обстоятельства, определяющие принятие решения; должен быть правильно применен соответствующий закон, решение должно быть облачено в установленную законом процессуальную форму, содержать реквизиты этого правового акта»⁹.

Безусловно это не всё, но основные требования, которым должно отвечать законное решение следователя.

Отметим очевидный вывод: соблюдение норм процессуального права при вынесении решения означает соблюдение требований как к процедуре принятия, так и к его содержанию.

Рассмотрим процессуальный порядок принятия следователем решения об отводе адвоката.

Прежде всего следует обозначить повод принятия этого решения.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ им является заявление ходатайства одним из упомянутых в нем участников процесса.

⁷ Лупинская П.А. Указ. соч. С. 77.

⁸ По мнению П.А. Лупинской, несмотря на то, что это постановление регламентирует вынесение решений в гражданском судопроизводстве, его предписания носят универсальный характер и могут быть применены к уголовному судопроизводству (см.: Там же. С. 159).

⁹ Там же. С. 161.

Закон прямо не указывает, что принятие данного решения возможно по инициативе самого органа, ведущего производство по делу (как это сделано, например, в УПК Республики Беларусь – ч. 3 ст. 76). Вместе с тем нет указания и о том, что для его принятия обязательно заявление отвода участниками процесса, названным в ч. 2 ст. 62 УПК РФ.

В науке указывалось на отсутствие четкой правовой регламентации этого вопроса еще применительно к УПК РСФСР.

Отмечалось, что, по общему правилу, действительно, отвод должен осуществляться при наличии заявления или ходатайства. Однако «публично-правовой характер правоотношения, которое при этом возникает, обязывает орган или должностное лицо, ответственных за ведение процесса, рассматривать и разрешать вопросы об отводе участников процесса и по собственной инициативе»¹⁰. Указывается на наличие такой обязанности у следователя и в современной литературе¹¹.

При этом еще тогда, когда институт отвода адвоката не был включен в УПК РСФСР, предлагалось закрепить в законе напрямую положение о возможности уполномоченными субъектами отвести участника процесса независимо от заявления отвода этим лицам кем-либо¹². Как известно, действующий УПК РФ этой рекомендации не последовал.

Следует указать на существование и иной позиции на этот счет. Так, А.Н. Козлова делит все уголовно-процессуальные действия на те, которые совершаются должностным лицом независимо от частного усмотрения, действия, являющиеся исключением из принципа публичности и так называемые «нейтральные процессуальные действия с точки зрения «публичности-диспозитивности». К последней группе она относит полномочия должностных лиц, реализация которых приводится усмотрением частного лица: они не являются непосредственным проявлением публичности, но и не противоречат общему положению о ведении производства в целом независимо от частного усмотрения (не влияют на его возникновение или завершение)¹³. Именно к ней автор и причисляет решение следователя об отводе, соответственно, предполагая, что оно может быть принято только по заявлению сторон.

Обращение к практике показывает, что определение уголовно-процессуальным законодательством круга лиц, имеющих право заявить

¹⁰ Мамедова Х. Аглы. Институт отводов в советском уголовном судопроизводстве. М., 1984. С. 45.

См. также: Задерако В.Г. Институт отводов в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 1977. С. 45.

¹¹ См.: Козырев Г.К. Институт защиты в уголовном судопроизводстве. Научно-практический комментарий. Н. Новгород, 1995. С. 38.

¹² См.: Там же. С. 178.

¹³ Козлова А.Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 53.

отвод, не трактуется как признание этого заявления обязательным и единственным поводом принятия решения об отводе. Следователи (дознаватели), судьи отстраняют защитников и представителей потерпевшего от производства по делу и по личной инициативе. По результатам проведенного опроса следователей¹⁴ на вопрос: «Вправе ли вы принять решение об отводе защитника по собственной инициативе без поступления соответствующего ходатайства от участников процесса» положительно ответили 74,3 % опрошенных. Это отражает отмеченную тенденцию.

В литературе, помимо этих двух поводов возникновения уголовно-процессуальных отношений по отводу адвоката, называется третий: заявление самоотвода¹⁵. Однако, на наш взгляд, выполнение обязанности устранить из процесса путем заявления самоотвода не должно быть поводом для отвода, который, по смыслу ч. 2 ст. 62 УПК РФ, является следствием именно невыполнения участником процесса требований ч.1 ст. 62 УПК РФ. В данном случае, на наш взгляд, процессуально правильнее было бы вынести решение об удовлетворении ходатайства о самоотводе или об отказе в его удовлетворении.

Что касается процедуры отвода адвоката, то, как мы уже говорили, уголовно-процессуальный закон ее специально не регламентирует, и, как показывают результаты опроса, общего представления о механизме отстранения защитника от участия в деле и процедуре принятия этого решения окончательно не выработано.

У нас возник вопрос: должен ли следователь, прежде чем принять решение об отводе, проинформировать об обнаружении обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу отводимого адвоката и его доверителя? В этом может быть некоторый резон: о наличии этих обстоятельств они могут и не знать и могли бы высказать свое отношение к их установлению (первый мог бы заявить самоотвод, а второй – отказ от защитника); оба могли бы предоставить дополнительную информацию об их обоснованности, свои возражения и т.д.

Опрос показал, что 68,6 % следователей считают, что УПК РФ обязывает их уведомить адвоката об установлении обстоятельств, исключающих его участие в деле, и выяснить его отношение к данному факту до принятия решения об отводе. Один человек затруднился ответить на этот вопрос. А вот по мнению 10 человек (28,6 %) такой обязанности УПК РФ не предусматривает, но половина из них высказалась за то, чтобы эта обязанность была закреплена.

Меньшее количество опрошенных – 19 человек (или 54,3 %) полагают, что следователь по УПК РФ обязан уведомить об установлении этих

¹⁴ Было опрошено 35 следователей, из которых около одной трети (34,3 %) имеют стаж свыше 7 лет, чуть менее одной трети (31,4 %) – стаж менее одного года.

¹⁵ См.: Мамедова Х. Аглы. Указ. соч. С. 41.

обстоятельств доверителя адвоката. А из тех, кто так не думает (16 чел. или 45,7 %) только двое высказались за закрепление этой обязанности в законе.

Таким образом, в целом более половины опрошенных следователей видят необходимость перед принятием решения об отводе проинформировать об этом адвоката и его доверителя.

Что касается формы решения об отводе адвоката как критерия законности, то оно должно иметь вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части.

Для вывода о законности имеет значение указание во вводной части места, времени, лица (лиц), его вынесших.

В описательно-мотивировочной части законность выражается в «нормативной обоснованности». Поэтому в данной части решения должна содержаться ссылка на примененные материальный и процессуальный законы. Причем если решение может быть принято по различным основаниям, должна быть ссылка на положение закона, содержащее конкретное основание.

Здесь, помимо законности, получают отражение его обоснованность и мотивированность. Эти категории безусловно тесно взаимосвязаны, но не сводятся одно к другому.

Решение является обоснованным, когда в нем выражены имеющие значение для данного дела факты, подтвержденные проверенными доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об относимости и допустимости, а также тогда, когда правовые выводы и предписания, содержащиеся в решении, вытекают из установленных фактов¹⁶.

Обоснованность решения выражается в его мотивировке.

П.А. Лупинская выделяет несколько видов мотивировки принятия решения. Она отмечает, что одни нормы требуют приведения фактических оснований решения (ст. 171 УПК РФ); другие – установленных по делу обстоятельств и анализа доказательств, на которых основаны выводы (ст. 306); третьи – фактических оснований решения и мотивов, объясняющих, почему избирается или не избирается такое решение (ст. 108)¹⁷.

В чем заключаются обоснованность и мотивированность решения следователя об отводе?

В науке высказано мнение, что обоснованность решения об отводе – это соответствие названных отводящих оснований фактическим основаниям, указанным в нормативном предписании. А мотивированность – это подтверждение фактическими данными¹⁸.

На наш взгляд, в данном случае автор сужает требования обоснованности решения, а если под «фактическими данными», вслед за УПК

¹⁶ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1998. С. 63.

¹⁷ См.: Лупинская П.А. Указ. соч. С. 165.

¹⁸ См.: Задерако В.Г. Указ. соч. С. 64.

РСФСР, понимать доказательства, то и трактовка мотивированности решения об отводе не бесспорна.

Обоснованность решения следователя об отводе участника процесса, в том числе адвоката, предполагает, что вывод о наличии обстоятельств, исключающих участие в деле, основан на совокупности фактических обстоятельств дела, установленных в соответствии с нормами УПК РФ.

С точки зрения опрошенных следователей, вывод о наличии обстоятельств, исключающих участие в деле, может быть основан только на доказательствах (с точки зрения 37,1 % опрошенных), а с точки зрения 60 % – как на доказательствах, так и на сведениях, не получивших отражения в материалах дела¹⁹. То есть, с точки зрения правоприменителей, вывод о наличии обстоятельств, исключающих участие адвоката в деле, может быть основан и не на доказательствах.

Последнее мнение зачастую обосновывается тем, что обстоятельства, являющиеся основанием для отвода, не входят в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ).

На самом деле, если обратиться к теории вопроса, то, как известно, «не все факты, устанавливаемые по уголовному делу при помощи доказательств, входят в предмет доказывания»²⁰. Помимо предмета доказывания, выделяются так называемые «обстоятельства, имеющие значение для дела». И хотя среди них напрямую не выделены обстоятельства, исключающие участие какого-либо субъекта в уголовном судопроизводстве, очевидно, что они здесь подразумеваются, так как среди них выделяют, в частности, «обстоятельства, знание которых необходимо для проверки и оценки доказательств»²¹, а наличие обстоятельств, исключающих участие в деле, напрямую на эту оценку влияет.

Что касается мотивированности решения следователя об отводе, то из трех выделенных П.А. Лупинской видов мотивировки последний неприемлем, учитывая абсолютно определенный характер этого решения. Второй вид мотивировки свойственен, как правило, итоговым процессуальным решениям, к которым решение об отводе не относится.

На наш взгляд, для мотивировки решения следователя достаточно приведения его фактических оснований. С этим не согласны опрошенные следователи, в большинстве своем (82,9 %) посчитавшие, что в постановлении об отводе нужно указывать доказательства, на которых оно основано²².

¹⁹ Один человек затруднился ответить на поставленный вопрос.

²⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая / под ред. Н.В. Жогина, И.И. Карпеца и др. М., 1966. С. 189.

²¹ Там же. С. 194.

²² Здесь они, на наш взгляд, противоречат сами себе (напомним, что, с точки зрения 60 % опрошенных, вывод о наличии обстоятельств, исключающих

Говоря о достаточности приведения фактических оснований, мы исходим из того, что мотивировка решения следователя об отводе должна быть конкретной, основанной на материалах дела. Она не должна ограничиваться формальным указанием на предусмотренные уголовно-процессуальным законом основания отвода и положения закона, их предусматривающие.

Для того, насколько рассмотренные представления о процессуальном порядке и форме этого решения, а также мнения следователей, только один из которых принимал решение об отводе адвоката, отражают практику принятия таких решений, обратимся к решению следователя СС УФСКН РФ по Самарской области Д. об отводе адвоката К. по уголовному делу № 1-367/05.

Указанное процессуальное решение состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей.

В вводной части обозначены название, место, дата, Ф.И.О. следователя, данные об уголовном деле, по которому оно было вынесено (указан номер) и повод его вынесения.

Исследование ее содержания вызвало некоторые критические соображения. Что касается названия, то оно обозначено как «Постановление об отводе адвокату». На наш взгляд, оно уже само по себе вызывает нарекания (и далеко не только с точки зрения грамматики). Процессуальный закон предусматривает отвод в отношении участников процесса. Термин «адвокат» обозначает внепроцессуальный статус лица. Отвод адвоката УПК РФ не предусматривает и не может этого делать, он допускает отвод защитника и представителя потерпевшего, в статусе которых может выступать адвокат (ст. 72 УПК РФ). Поэтому в названии процессуального решения об отводе должен быть четко обозначен процессуальный статус отводимого лица.

В качестве повода принятия следователем этого решения указано, что оно вынесено на основании рассмотрения ходатайства обвиняемого Ш.

Однако это было не ходатайство обвиняемого об отводе защитника²³, а, наоборот, его ходатайство о допуске адвоката К. в дело.

Фактически поводом принятия следователем об отводе адвоката К. послужило не заявление отвода каким-либо участником процесса а, по сути, личная инициатива следователя. Последний вынес постановление об отводе адвоката, который на самом деле в процесс не был допущен, вопре-

участие в деле, может быть основан как на доказательствах, так и на сведениях, не получивших отражения в материалах дела).

²³ Только у 5,7 % опрошенных возможность заявления подзащитным отвода своему адвокату вызвала сомнения. На наш взгляд, в таких случаях речь должна идти не об отводе защитника, а об отказе от его услуг.

ки представленным ордеру и соглашению. Следует отметить, что такая практика, действительно, существует²⁴.

Один из опрошенных нами следователей указал, что не допустил адвоката к участию в деле, ссылаясь на наличие обстоятельств, исключающих его участие в нем.

Что касается описательно-мотивировочной части данного постановления, то в ней указано, когда, в связи с чем и в отношении кого было возбуждено уголовное дело и кто представлял интересы обвиняемого на предварительном следствии.

Далее следователь отметил факт возбуждения другого уголовного дела с указанием даты возбуждения, его номера и обвиняемых. Было указано, что обвиняемый Ш. по данному делу выступил закупщиком. Кроме того, обозначено, что интересы обвиняемого П. по этому делу защищает адвокат К.

Затем указано, что обвиняемый Ш. заявил ходатайство об отказе от услуг адвоката М. и о желании, чтобы его интересы защищал адвокат К.

Далее в постановлении буквально сказано следующее: «принимая во внимание, что адвокат К. оказывает юридическую помощь обвиняемому П., а Ш. в данном уголовном деле выступает свидетелем (закупщиком), то интересы Ш. противоречат интересам защищаемого им П. по уголовному делу № ____».

Затем следователь делает вывод о том, что адвокат К. не вправе участвовать в производстве по уголовному делу в отношении Ш.

В заключение следователь отметил, что принимает решение на основании изложенного, руководствуясь ст. 72 УПК РФ.

Чем примечательно данное решение?

Прежде всего хотелось бы обратить внимание, что следователь не приводит никаких доказательств, что соответствует нашим представлениям о требованиях к мотивированности решения об отводе в этой части и, однако, как мы указывали, является неправильным с точки зрения большинства опрошенных следователей.

²⁴ Она уже получила общественный резонанс и официальную негативную оценку. В качестве примера можно привести случай, получивший широкий огласку благодаря активной позиции адвоката Е.Ю. Львовой, которая не была допущена к участию в деле в качестве защитника следователем, ссылавшимся на ст. 67¹ УПК РСФСР в связи с тем, что он планировал допросить ее в качестве свидетеля. Жалобы адвоката ни прокуратурой г. Москвы, ни Генеральной прокуратурой удовлетворены не были. Данная ситуация потребовала вмешательства Конституционного Суда РФ, который высказал свое негативное отношение к ней в определении от 6 июля 2000 г. № 128-О по жалобе гражданина В.В. Паршуткина на нарушение его конституционных прав и свобод п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР.

Обоснованность данного решения весьма сомнительна. Дело в том, что в материалах дела нет никакой информации о том, существует ли на самом деле дело по обвинению П., выступал ли там Ш. свидетелем, а адвокат К. – защитником. То есть фактические данные, которые приводит следователь в постановлении об отводе адвоката, никакими материалами дела не подтверждены.

Следует отметить также, что следователь констатировал противоречие интересов П. и Ш., не указав, в чем они состоят. То, что Ш. проходил свидетелем по делу в отношении П., не означает само по себе наличие этих противоречий. Хотя отражает существующий на практике подход, когда безотносительно к содержанию показаний, наличие противоречий интересов определяется формально в зависимости от того, к чьей стороне (обвинения или защите) отнесен свидетель (тот факт, что Ш. выступал закупщиком по делу П., дает основания для домыслов о том, что он был свидетелем обвинения, но, подчеркну, только для домыслов).

Обратим также внимание на то, что в качестве правового обоснования своего решения следователь сослался на ст. 72 УПК РФ. Как известно, данная статья предусматривает три группы оснований отвода защитника (адвоката – представителя потерпевшего), и при отводе следователю необходимо делать ссылку на конкретный пункт, предусматривающий это основание отвода.

В резолютивной части постановления указано, что следователь постановил:

- «1) отвести адвоката К.
- 2) О принятом решении уведомить обвиняемого Ш. , защитника М. и защитника К.».

Обратим внимание на то, что адвокат К. назван защитником, хотя в дело в качестве защитника он фактически не допущен, ходатайство обвиняемого о допуске к участию в деле удовлетворено не было. На наш взгляд, представление адвокатом надлежащим образом оформленных процессуальных документов (ч. 4 ст. 49 УПК РФ) должно автоматически влечь приобретение соответствующего процессуального статуса.

Совершенно не понятно, для чего надо было оповещать об отводе адвоката К. защитника М., от которого обвиняемый Ш. отказался и отказ от которого следователем был удовлетворен.

В заключение следователь отметил, что направляет копию данного постановления заместителю прокурора Самарской области, постановление подписано.

Отметим, что УПК РФ не требует от следователя оповещения прокурора о принятии данного решения.

Одновременно с постановлением об отводе следователь вынес постановление о частичном удовлетворении ходатайства, в котором указал, что принимает отказ обвиняемого Ш. от услуг адвоката М. В качестве мотивировки отказа от удовлетворения ходатайства о представлении его интересов адвокатом К. он указал, что адвокату К. заявлен отвод. На самом

деле, как уже указывалось, отвод адвокату не заявлялся участником процесса, да и сам по себе он не может служить основанием для принятия решения об отказе в допуске защитника к участию в деле.

Кроме самого постановления следователя об отводе адвоката, интересны дальнейшие действия следователя, с ним связанные.

Два дня спустя после вынесения постановления об отводе следователь направил постановление о частичном удовлетворении ходатайства обвиняемому Ш. и адвокатам К. и М.

Еще через 3 дня он получает заявление обвиняемого Ш. об отказе от услуг адвоката К. и о допуске адвоката А.

В тот же день следователь удовлетворяет данное ходатайство полностью, т.е. разрешает отказаться от адвоката К., который и не был допущен к участию в деле и услуги которого по данному делу и не предоставлялись. То есть фактически удовлетворил отказ обвиняемого от услуг адвоката К. так, как будто адвокат К. участвует в деле в обычном порядке.

В самом постановлении об удовлетворении ходатайства об отказе от адвоката К. и о допуске к участию в деле адвоката А. следователь о факте отвода адвоката К. и его неучастии в деле не упоминает.

Таким образом, следователь, получив от обвиняемого отказ от защитника, подкрепил свой отвод позицией доверителя адвоката. Фактически он показал свою неготовность оперировать своими же принятыми решениями, «сведя на нет» свое же постановление об отводе.

Отмеченные недостатки правоприменительной практики, научные дискуссии в части, касающейся решения следователя об отводе защитника (адвоката-представителя потерпевшего), позволяют признать, что работы П.А. Лупинской, посвященные процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве, еще долго будут сохранять свою актуальность.

Материал поступил в редакцию 16.02.12.